

Библиография

1. Хованская З.И. Стилистика французского языка. - М., 1984.
2. Шапкин Л.М. Оценочная номинация во французском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1987.
3. Bailly R. Dictionnaire des synonymes de la langue française. - Paris, 1969.
4. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. - 6 v. - Paris, 1969.
5. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. - Paris, 2000.

О ГРАНИЦАХ ТЕОРИИ ПРАГМАТИКИ

Л.М.Минкин

*Харьковский государственный
педагогический университет, (Украина)*

С.А.Моисеева

Белгородский госуниверситет

Казалось бы, область теории лингвистической прагматики не имеет четких границ. Вместе с тем прагматика не может быть растворена в лингвистике, социологии, теории дискурса, психологии общения и других областях современной гуманитарной науки. Теория прагматики располагает своими базовыми положениями, своим научным пространством. Прагматика придает трактовке лингвистических фактов, фактов дискурса, психологических аспектов общения особый теоретический статус, углубляя и расширяя их интерпретацию.

Первоначально термин прагматика обозначал раздел общей теории знаков (семиотики) наряду с синтаксисом и семантикой (Morris, 1938). Исследователи неоднократно подчеркивали необходимость комплексного подхода, и, прежде всего, семантико-прагматического, к характеристике языковых явлений (Anscombe, Ducrot, 1988: 17). Интенсивное развитие прагматики (Reboul, 1995: 32-33) параллельно с углублением коммуникативного подхода к языку, связанного с теорией интерактивного вербального общения, привлечение данных когнитивной психологии для анализа процессов хранения, переработки и продуцирования языковой информации подготовили новое осмысление прагматики и ее связи с лингвистикой (Op. cit.; 36). При этом прагматика сохранила свое исходное научное поле, куда входил анализ местоименных, локальных и темпоральных маркеров, перформативных глаголов соответствующих высказываний, способов и средств отрицания, некоторых наречий, относящихся ко всему высказыванию и т. д. (Бенвенист, 1974: 259-320). Несомненно и то, что центральной для прагматики осталась теория речевых актов, которая обогатилась отдельными положениями теории аргументации и концепции полифонии (Anscombe, Ducrot, 1988: 163-174).

До возникновения новой теории прагматики расширение ее научного поля происходило в рамках общей интеграции синтаксиса, семантики и

прагматики (Op. cit.: 15-36). Предшествующее развитие прагматики, и в частности теории речевых актов как её подраздела, а также изучение прагматически релевантных маркеров, указывали на тесную связь прагматики с теорией контекста. При отсутствии дейктических маркеров прагматическая характеристика того или иного высказывания в контексте зачастую вызывает определенные трудности. Кстати, это согласуется с такими лингвистическими аксиомами: варианты значения (или просто значение) языковой единицы зависят от контекста; при изменении контекста изменяется содержание языковой единицы, интерпретация ее значения (Moeschler, 1995: 26-27). Конечно, эти положения весьма относительны, поскольку нет однозначного ответа на вопрос о степени автономии значения в контексте. Число значений (вариантов значения) может в контексте становиться бесконечно большим в сравнении с первоначальным, внеконтекстуальным. Именно в контексте возникают благоприятные предпосылки для изменения прагматического значения, интегрированного с семантикой языковой единицы.

Подобный подход, предполагающий разную зависимость языковых структур от контекста, не является, по сути, новым для лингвистики. Он сохраняет свою значимость в связи с переориентацией прагматики, развитие которой вышло за рамки интегрированного с семантикой и синтаксисом раздела общей семиотики, и её превращением в общую теорию коммуникации, предполагающую, что интерпретация вербальной коммуникации будет неполной, если она базируется только на определенных фактах и высказываниях, которые известны партнерам по общению. В лингвистическом плане классическим примером подобной ограниченности интерпретации может служить общепринятый подход к трактовке прагматических пресуппозиций. Обращаясь к последним, общая теория коммуникации учитывает, с одной стороны, необходимые, а с другой — достаточные условия для коммуникации, что вызывает некоторые возражения (Moeschler et al., 1994: 28). По своей сути — эта когнитивная теория, в рамках которой существуют различные гипотезы о возможном характере прагматической интерференции. При этом постулируется существование специализированного модульного механизма переработки информации (Moeschler, 1995: 30). Движение языковых структур от лингвистической периферии к прагматическому центру регулируется принципом уместности (соответствия) (Moeschler et al., 1994: 23-28).

Основы этой теории, получившей название теории релевантности, были сформулированы британским лингвистом Д. Вильсоном и французским антропологом Д.Спербером (Sperber, Wilson, 1989) в русле идей психологической теории Д.А.Фодора (Fodor, 1983) и философии языка Л.П.Грайса (Grice, 1975). Авторы данной теории считают её прагматической, восходящей к положениям когнитивной психологии (теории интеллектуальных процессов). В широком смысле слова новая теория вписывается в парадигму многоэтапной переработки информации. Принцип соответ-

ствия предполагает, что говорящий продуцирует высказывание, наиболее уместное, по его мнению, в определенных обстоятельствах. В каждом коммуникативном акте содержится информация о такого рода соответствии. Сам по себе этот принцип не гарантирует успеха коммуникации, он лишь указывает на те основания, по которым партнер по коммуникации (слушатель) согласен обсуждать адресованную ему информацию. Первая интерпретация информации связана с принципом уместности, результатом которой является контекстуальный эффект (значение), достаточный для компенсации когнитивного усилия партнера по коммуникации (Moeschler et al., 1994: 30). Согласно принципу соответствия именно первая интерпретация высказывания оказывается оптимальной, в процессе дальнейшей интерпретации эффективным может быть также и минимальное соответствие.

Казалось бы, при таком подходе контекст должен быть постоянным компонентом процесса интерпретации. Однако, во-первых, контекст не является таковым в рамках теории соответствия (уместности), а во-вторых, контекст иногда не содержит предложений, необходимых для обеспечения информационного соответствия. Так, фраза *"Я совсем не ем мяса, я лингвист"* не может быть адекватно понята слушателем без осознания общей посылки: *Все лингвисты вегетарианцы*. Вряд ли последнее предложение эксплицируется как реальное высказывание, являясь частью общих для партнеров по коммуникации знаний. Указанную фразу-посылку адресат должен восстановить как имплицитную аргументацию.

Принцип соответствия чаще всего реализуется при взаимодействии высказывания и контекста, т. е. при контекстуализации высказывания, в результате чего возникает определенный контекстуальный эффект и создаются контекстуальные импликации. Ср. одно из значений потенциально однозначных, но в данном случае контекстуально обусловленных фраз. *Окно открыто? (В комнате холодно, закройте окно.) Мой стакан пуст. (Я хотел бы еще вина.) У меня нет вилки. (Дайте вилку.)* Вне контекста (в нулевом контексте) эти фразы сохраняют свое основное значение, которое контекстом иногда блокируется. Другими словами, высказывания проходят контекстуальный фильтр, фильтр знаний второго плана (Moeschler et al., 1994: 18-21), которыми могут быть общие дискурсивные и конвенциональные импликатуры.

Для понимания сути новой прагматики важна трактовка контекста в широком смысле слова, т.е. как контекста, включающего не только собственно текстовую информацию, но и общее когнитивное окружение совокупность фактов и идей в сознании партнеров по коммуникации, которые им понятны и очевидны (Ducrot, Todorov, 1972: 526).

Принцип соответствия как психолого-когнитивная основа нового понимания прагматики создал реальные предпосылки для более четкого разведения собственно лингвистики и прагматики, Лингвистическая периферия общей теории коммуникации соответствует уровню анализа всего, что связано с языковым кодом (фонологией, синтаксисом, семантикой),

центральная область этой теории (прагматика) соответствует уровню полной интерпретации высказывания (Moeschler et al., 1994: 22).

Таково в общих чертах новое содержание теории прагматики, которая вышла за рамки высказывания, диалогического и монологического текста. Новая прагматика не является этапом развития предшествующей прагматической теории. Естественно, что новая теория сохранила и использует научный корпус прагматики, интегрированной с семантикой и синтаксисом. Однако произошло не частичное изменение содержания прагматики, а его полная замена. Новая прагматика стремится унифицировать процедуры анализа лингвистического материала и, вероятно, каким-то образом адаптировать существующие психолого-когнитивные и собственно вербальные механизмы к коммуникации в сфере "человек — машина". Фактически на стыке когнитивной психологии и лингвистики возникает новое направление науки.

В настоящее время название прагматика предполагает два научных подхода: при первом — прагматика, интегрированная вместе с синтаксисом и семантикой, есть часть семиотики (интегрированная прагматика); при втором — прагматика и лингвистика представляют две взаимодействующие области когнитивной науки (радикальная прагматика). О последнем случае прагматика также характеризует отношения между языком (речью) и партнерами по коммуникации. При этом постулируется более широкая модульная интерпретация языковой информации на уровне мыслительных процессов.

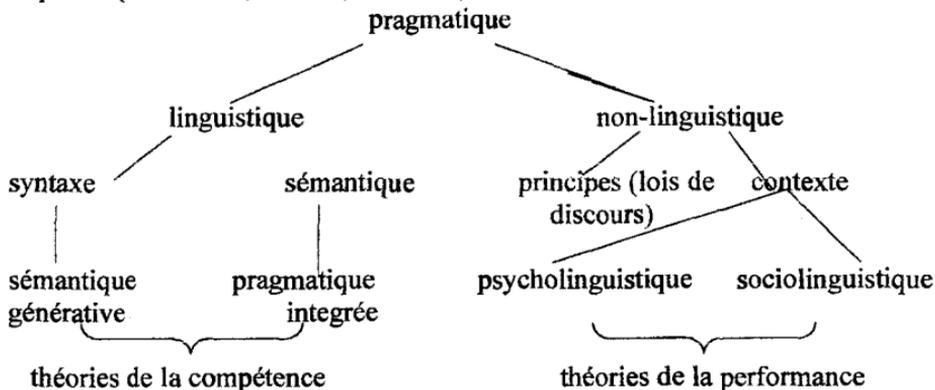
Своеобразно трактуются отношения между прагматикой и такими понятиями, как компетенция (знания говорящего о функционировании языка) и использование языка, *performance* (общие знания о возможностях использования языка в конкретных или типовых ситуациях).

Многие ученые считают, что прагматика, по сути, является теорией реализации языка. Оппозиция *linguistique* : : *pragmatique*, по их мнению, соответствует оппозиции *competence* : : *performance* (Kempson, 1975; Wilson, 1975; Smith, Wilson, 1979), где принципы и правила прагматики не затрагивают области коммуникативной компетенции. Подобная специализация свойственна радикальной прагматике, которая отделена от собственно лингвистики, но взаимодействует с ней.

В современной французской лингвистике прагматика рассматривается как область, соотносимая с коммуникативной компетенцией: прагматические свойства (наряду со структурными и семантическими) закреплены в языковых единицах, и язык содержит инструкции об их возможной реализации (Бенвенист, 1974: 86-89; Ducrot, 1989: 23). В таком понимании интегрированная прагматика представляет лишь часть лингвистического комплекса дисциплин.

Связь радикальной прагматики со знаниями о языковой реализации (*performance*), а интегрированной — с коммуникативной компетенцией говорящего, по сути, представляют основу для интерпретации с позиции

прагматики всех видов речевых актов (речевой деятельности), синтезирующих свойства языка и речи. Поэтому оба подхода к трактовке прагматики не исключают, а дополняют друг друга. Вместе с тем, поскольку коммуникативная компетенция не ограничивается связью с собственно лингвистикой, а включает социолингвистическую и психолингвистическую информацию, возникает вопрос о соотношении прагматики с социолингвистикой и психолингвистикой. Авторы энциклопедического словаря по прагматике считают, что в рамках коммуникативной компетенции социолингвистические и психолингвистические данные покрываются понятием "контекст". В целом они представляют синтезирующую таблицу прагматики следующим образом (Moeschler, Reboul, 1994: 35).

Конечно, можно усомниться, не сужают ли авторы само понятие лингвистики. Это зависит от исходных теоретических позиций ученых. Однако синтез разных непротиворечивых подходов позволяет представить прагматику как целостную теорию.

Различия между компетенцией и реализацией языка в определенной степени относятся и к дихотомии язык — речь, а значит, и к характеристике прагматических значений языковых и речевых единиц. Следует отметить, что в аспекте социальное — индивидуальное термины *compétence* — *performance* и *langue* — *parole* изначально трактовались неоднозначно. Речь (*parole*) у Ф.Соссюра представлена как индивидуальный акт, язык — в виде общественного "клада" (Saussure, 1968: 89), в то время как Н.Хомский считает, что компетенция имеет не общественный (коллективный), а только индивидуальный характер (Ducrot, Todorov, 1972: 29). Не вдаваясь в полемику по поводу природы этих расхождений, обратим внимание на очевидный факт наличия общей (коллективной) базы данных в содержании обсуждаемых терминов. Человек присваивает информацию социальной базы данных индивидуально, равным образом и реализует ее индивидуально, формируя основу для интервербальных контактов.

Коммуникативная компетенция включает данные о языковой системе, потенциальных свойствах ее реализации, а область актуальной языковой реализации (*performance*) относится к речи. Поэтому, подобно компетенции,

структурные и семантические, а также прагматические значения в языковой системе потенциальны (виртуальны) и актуализируются в речи. Сами по себе единицы языковой системы однозначны, но потенциально они могут быть как однозначными, так и многозначными. В речи потенциальные свойства языковых единиц реализуются сквозь призму прагматического целеустремления говорящего. Возможная однозначность — многозначность языковых единиц превращается в их прагматическую однозначность в речи, отражая принцип экономии в языковой системе.

Располагая данными о потенциальных прагматических свойствах единиц языковой системы, возможно в определенной степени предвидеть уместность (соответствие) содержания высказывания и контекста, а также прохождение этого содержания через контекстуальные фильтры.

Таким образом, для целостной характеристики лингвистических единиц важно, в частности, определение их прагматических свойств в языковой системе и в речи. К сожалению, пока ученые основное внимание уделяют речевой сфере прагматики, забывая о её языковой сфере.

Библиография

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974
2. Anscombe J.-C. et Ducrot O. L'argumentation dans la langue. - Liège- Bruxelles: Pierre Mardaga, 1988.
3. Ducrot O. Logique, structure, énonciation. — Paris: Minuit, 1989.
4. Fodor J. The Modularity of Mind. — Cambridge: MIT Press, 1983.
5. Grice H. P. Logic and conversation // Cole P. and Morgan J. L. Syntaxe and semantics 3: Speech Acts. — N.-Y.: Academic Press, 1975.
6. Kempson R. Presupposition and Delimitation of Semantics. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1975.
7. Moeschler J. La pragmatique après Grice: contexte et pertinence // L'information grammaticale. — № 66. — Paris, 1995.
8. Moeschler J., Reboul A., Lusher J.-M., Jayer J. Langage et pertinence: référence temporelle, anaphore, connecteur et métaphore. — Nancy: Presse Universitaire de Nancy, 1994.
9. Morris C. Foundation of the Theory of Signs / International Encyclopedia of Unified Sciences, 1/2. — Chicago, 1938.
10. Reboul A. La pragmatique à la conquête de nouveaux domaines: la référence / L'information grammaticale. — № 66. - P.: 1995.
11. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. — Paris: Payot, 1968.
12. Smith N., Wilson D. Modern Linguistics. The Results of Chomsky's Revolution. — Bloomington: Indiana Univ. Press, 1979.
13. Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and cognition. — Oxford: Basil Blackwell, 1989.
14. Wilson D. Presuppositions and Non-Truth-Conditional Semantics. — New-York: Academic Press, 1975.

Справочная литература

1. Ducrot O., Todorov T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. - Paris: Seuil, 1972.
2. Moeschler J., Reboul A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique, - Paris: Seuil, 1994.